

— Си Яо! — Цяо Ю ворвался на задний двор.

Ученики уже обступили дровяной сарай, на холодном земляном полу которого без чувств лежал Си Яо. Напрягшись, Цяо Ю бросился к нему, бережно приподнял и прижал к себе. Тщательно осмотрев раненого и убедившись, что тот отделался лишь парой царапин, он наконец облегченно перевел дух.

Сяо Танцин подоспел мгновением позже. Увидев Си Яо на руках у Цяо Ю, он на секунду замер, но тут же спросил:

— Как он?

— Жить будет. Раны поверхностные, просто без сознания, — ответил Цяо Ю, не сводя глаз с бледного лица младшего соученика. — Похоже, его опоили каким-то зельем. Отнесу-ка я его в комнату.

— Иди, — кивнул Сяо Танцин и проводил его взглядом. Обведя цепким взором погруженный в полумрак двор, он сухо скомандовал столпившимся ученикам: — Двоим караулить у входа в трактир, четверым остаться здесь. Всем прочим — спать. На рассвете выступаем.

Тела убитых отступников они уже обыскали вдоль и поперек, но так и не нашли ни единой зацепки.

Поскольку Си Яо требовался уход, Цяо Ю вызвался провести ночь у его постели. Сяо Танцину же досталась отдельная комната. Проходя мимо замершего в коридоре Цзи Гуаньци, он на мгновение замедлил шаг, словно хотел что-то сказать, но передумал и молча скрылся за дверью.

Заперев за собой дверь, Сяо Танцин извлек из рукава старый свиток.

Бумага казалась ветхой, истрепанной по краям, но от нее отчетливо веяло едва уловимой, зловещей силой. Опутав свиток защитной духовной печатью, Сяо Танцин осторожно развернул его. По мере чтения глаза его расширялись от изумления. Он долго сидел неподвижно, борясь с искушением, но в конце концов решительно спрятал находку в мешочек Цянькунь.

Этот свиток он заприметил совершенно случайно, когда проходил мимо тела мертвого трактирщика. Много лет изучая методы борьбы с отступниками, Сяо Танцин сразу понял: перед ним не просто записи, а невероятно могущественная и опасная техника темного пути.

Опустившись на постель и скрестив ноги, Сяо Танцин тихо, почти беззвучно прошептал:

— Между праведным и порочным нет четкой грани... Лишь истинная сила имеет значение.

Тем временем Цзи Гуаньци неприкаянно мерил шагами коридор перед комнатой своего наставника, Бессмертного почтенного Чжэньнаня. Он прошелся туда-обратно уже раз пять, не решаясь постучать, когда из-за двери донесся ровный голос:

— Есть что сказать — говори.

— Шицзунь, — почтительно отозвался Цзи Гуаньци, замирая у порога. — То, что младшего брата Си Яо подменили... Вы ведь знали об этом с самого начала?

Бессмертный почтенный Чжэньнань открыл глаза. Его взгляд оставался безмятежным и холодным. Наставнику не потребовалось произносить ни слова — Цзи Гуаньци и без того прочел ответ на его лице. Он послушно склонил голову:

— Ученик все понял. Ночь уже глубока, Шицзуню пора отдыхать. Я подежурю у дверей.

— Войди, — отозвался Бессмертный почтенный Чжэньнань. — Раздели ложе с этим почтенным.

— Ученик не смеет, — поспешно ответил Цзи Гуаньци.

Мысль о том, чтобы оказаться с наставником в одной комнате, вызвала у него глухое сопротивление. Не будь он связан долгом и обстоятельствами, он сбежал бы на другой конец постоянного двора, согласный даже на сырой дровяник, лишь бы подальше от этого человека.

— Мой долг — беречь покой Шицзуня. Отдыхайте, ни о чем не беспокоясь.

В последнее время Бессмертному почтенному Чжэньнаню казалось, будто старший ученик отдалился от него и лишился прежнего рвения. Но эти тихие, полные мнимой заботы слова мгновенно растопили лед в его груди. Мужчина мягко улыбнулся, глядя сквозь тонкую ширму на застывший силуэт юноши.

«И надо же было так себя изводить, — подумал он. — Все мои тревоги оказались напрасными»

Цзи Гуаньци остался прежним — верным, заботливым и беззаветно преданным своему учителю.

— Войди же, — Бессмертный почтенный Чжэньнань бесшумно скользнул к порогу, распахнул дверь и, мягко, но властно перехватив запястье юноши, увлек его внутрь. Затворив створку за его спиной, он негромко добавил: — Ложись отдыхать. Пока я здесь, никто не посмеет нарушить твой покой.

Цзи Гуаньци промолчал.

Ему очень хотелось съязвить, что ночью наставник тоже был неподалеку, однако это не

помешало отступникам совершить набег. Но едва Цзи Гуаньци открыл рот, как уловил едва заметное колебание духовной энергии в воздухе. Он прислушался к собственным ощущениям, ошеломленно замер и резко вскинул голову:

— Шицзунь... вы призвали Расписную алебарду, уравнивающую небеса?

Бессмертный почтенный Чжэньнань на мгновение отвел взгляд, словно не желая вдаваться в подробности, но затем неохотно кивнул:

— Нет необходимости. Я лишь наложил заклятие Черты-Тюрьмы.

Только тогда Цзи Гуаньци вспомнил, что наставник и раньше прибегал к этой технике, причем умудрялся активировать ее без помощи своего духовного оружия.

Защитный барьер намертво запечатал постоянный двор, превратив его в неприступную крепость. Сквозь такую преграду не просочился бы даже комар, не говоря уже о вражеских лазутчиках. Цзи Гуаньци отлично знал, что Шицзунь терпеть не может марать руки по пустякам, и столь мощное плетение, созданное легким движением пальцев, поражало воображение. Впрочем, иллюзий юноша не питал: наставник сделал это вовсе не ради него. Стоило ему вспомнить о раненом Си Яо, как истинная причина этого жеста мигом прояснилась.

— Слушаюсь, Шицзунь.

Делать было нечего, и Цзи Гуаньци пришлось остаться. Разумеется, сесть на постель он бы ни за что не посмел, а потому устроился прямо в углу на холодном полу, скрестив ноги и закрыв глаза, чтобы погрузиться в медитацию.

— Пересядь на постель, — тихо, но твердо велел Бессмертный почтенный Чжэньнань. — Мне нужно ненадолго отлучиться. Отдыхай как следует.

С этими словами мужчина бесшумно выскользнул за дверь. Цзи Гуаньци остался в полном одиночестве. Недоуменно посмотрев на закрывшуюся створку, он перевел взгляд на пустую, аккуратно застеленную постель, но в итоге решил не искушать судьбу и остался медитировать на полу.

Куда уходил наставник и чем занимался всю ночь, Цзи Гуаньци не знал, да и знать не хотел. Однако наутро, когда отряд готовился к отправлению, он заметил, что Расписной алебарды больше нет при учителе. Задавать лишних вопросов юноша, разумеется, не стал.

— Шицзунь, — Си Яо, едва оправившись от сна, поспешил засвидетельствовать почтение. — Прошлой ночью я проявил непростительную беспечность и угодил в ловушку темных практиков. Простите, что доставил столько хлопот вам и старшим братьям.

— Как твои раны? — безучастно поинтересовался Бессмертный почтенный Чжэньнань.

— Пустяки, — Си Яо запнулся на мгновение, но быстро добавил: — Раны не помешают мне идти дальше.

Наблюдая за ними со стороны, Цзи Гуаньци поймал себя на мысли, что именно так и выглядит настоящая семья — любящий наставник и его верные преемники. Сам же он на этом празднике жизни казался случайным, лишним гостем.

Он тихо, горько усмехнулся и ладонью коснулся рукояти верного меча, покоящегося на его груди.

Что ж, они созданы друг для друга. Им суждено делить этот путь. А тот, кто пытается втиснуться в чужой круг, обречен лишь на крах и полное забвение. Против судьбы не пойдешь, и насильно мил не будешь — простая истина, которую глупо отрицать.

Жаль только, что для осознания этого Цзи Гуаньци пришлось однажды умереть.

— Старший брат, — обратился к нему один из младших учеников, выводя из задумчивости. — Как нам поступить с телами тех четверых отступников?

— Предать огню, — сухо ответил Цзи Гуаньци. — Неизвестно, какими мерзкими техниками они осквернили свои души. Оставлять здесь эти тела слишком опасно, сожгите их дотла.

— Слушаюсь, старший брат! — почтительно поклонился юноша.

Закончив сборы, отряд возобновил путь к посёлку Ло. Цяо Ю и Сяо Танцин пристроились по обе стороны от Си Яо, ловя каждый его вздох и наперебой спрашивая о самочувствии. Несчастному больному за все утро пришлось повторить не один десяток раз: «Со мной все в порядке, спасибо, братья».

Цзи Гуаньци же хранил молчание от начала до конца пути. С безучастным, застывшим лицом он ровно держался подле Бессмертного почтенного Чжэньнаня. Этот его отрешенный и кроткий вид всегда до глубины души раздражал вспыльчивого Цяо Ю.

— Шицзунь, — нарушил молчание Цзи Гуаньци, когда на горизонте показались очертания нужных земель. — До посёлка Ло осталось не больше полудня пути. Позвольте мне отправиться вперед и разведать обстановку.

Если память ему не изменяла, сейчас в посёлке Ло уже не осталось живых душ. В прошлой жизни это место предстало перед ними сущим филиалом преисподней: над опустевшими домами сиротливо полоскались на ветру белые траурные ленты, двory ломились от наспех сколоченных гробов, а несчастным, встретившим смерть последними, не досталось даже досок

— их изувеченные, полуразложившиеся тела гнили прямо под открытым небом, источая удушливый смрад.

Вот почему весь мир ополчился на отступников — эти твари упивались бессмысленной жестокостью, находя особое удовольствие в истреблении беззащитных смертных.

При этой мысли Цзи Гуаньци невольно покосился на Сяо Танцина. В прошлой жизни именно он, поддавшись искушению, ступил на скользкую тропу темного пути.

— Шицзунь, позвольте мне пойти со старшим братом, — Си Яо, все еще бледный и слабый после вчерашнего, поспешно шагнул вперед. — Ночью я допустил ошибку и позволил застать себя врасплох. Я отправился в это странствие, чтобы набраться опыта и перенять мастерство у старших. Думаю, сопровождая первого ученика в разведке, я смогу многому научиться.

— Младший брат Си Яо ранен, ему нужен покой, а не утомительная дорога, — без малейших колебаний отрезал Цзи Гуаньци.

— Тебе действительно лучше остаться и восстановить силы, — ровным тоном произнес Бессмертный почтенный Чжэньнань. — Мы с Гуаньци отправимся вдвоем и все осмотрим.

Цзи Гуаньци мгновенно помрачнел. Перспектива остаться наедине с наставником пугала его куда сильнее любых темных тварей. Спешно переменив решение, он торопливо заговорил:

— Впрочем... поразмыслив, я нахожу доводы младшего брата весьма убедительными. Пожалуй, мне по силам присмотреть за ним в пути. Я согласен взять Си Яо с собой.

Из двух зол он без колебаний выбирал меньшее. Си Яо был интриганом и завистником, но даже его общество казалось Цзи Гуаньци избавлением по сравнению с удушающей близостью Бессмертного почтенного Чжэньнаня.

Встал бы перед ним выбор между кем угодно в этом мире и наставником — учитель проиграл бы в ту же секунду.

Клевета и козни Си Яо кололи больно, но его подлость была ожидаемой — Цзи Гуаньци никогда не питал иллюзий на его счет. По-настоящему его душу выжгло другое: тот последний, хладнокровный и сокрушительный удар, который нанес ему Бессмертный почтенный Чжэньнань. Наставник, которому он когда-то слепо, без остатка вверял свою жизнь.

В его прошлой гибели виновны были все. Но ни Си Яо, ни Сяо Танцин, ни Цяо Ю не имели над ним достаточной власти, чтобы оборвать его дни. Настоящим палачом, занесшим карающий клинок, стал тот, кого он боготворил.

Какая злая ирония судьбы.

У Синбай медленно опустил веки, устремив на первого ученика тяжелый, почти осязаемый взгляд. Воздух вокруг словно сгустился, мешая дышать и наваливаясь на плечи невидимым грузом. Не выдержав этой удушливой тишины, Цзи Гуаньци глухо выдавил:

— Шицзунь...

— Ступай вместе с Сяо Танцином, — наконец отвел взгляд наставник и небрежно взмахнул широким рукавом. — Будьте предельно осторожны. Если случится беда — разбей это.

В руку юноши скользнула прохладная безделушка. Вглядевшись в узор, Цзи Гуаньци понял, что держит защитный амулет из чистейшего нефрита.

— Столкнувшись с непреодолимой угрозой, расколи камень, — напутствовал Бессмертный почтенный Чжэньнань. — В него заключена часть моей духовной энергии. Силы высвобожденного удара — примерно треть от моего полного могущества — должно хватить, чтобы защитить тебя и дать время уйти.

Умалчивал он лишь об одном: в миг, когда нефрит расколется, он не просто высвободит ярость бессмертного, но и укажет точное местонахождение ученика. И тогда Бессмертный почтенный Чжэньнань явится лично, где бы тот ни находился.

Но какое-то смутное предчувствие, граничащее с животным страхом услышать отказ, заставило наставника смолчать. Он чувствовал: раскрой он эту тайну, реакция юноши его совсем не обрадует.

— Благодарю за милость, Шицзунь, — почтительно поклонился Цзи Гуаньци.

Закрепив тяжелый амулет на поясе, он сделал знак Сяо Танцину, и они вместе взмыли в небеса, устремляясь на мечах к посёлку Ло. Едва их силуэты растаяли среди пушистых облаков, Бессмертный почтенный Чжэньнань опустил голову. Цяо Ю, стоявший неподалеку, ощутил, как тяжелая, удушливая аура наставника навалилась на него с утроенной силой.

— Шицзунь... — Цяо Ю робко шагнул вперед, пытаясь как-то разрядить обстановку, но наставник лишь небрежно шевельнул пальцами, вновь накладывая на него заклятие безмолвия.

Ярость и глухое раздражение Бессмертного почтенного ощущались почти физически. Больше никто не осмеливался раскрыть рот. И без того молчаливый отряд погрузился в гнетущую, звенящую тишину. Ученики шли, понурив головы и боясь издать хоть единый звук, лишь бы не навлечь на себя гнев грозного учителя.